
Евгения Тимаренко
НА МАЛЕНЬКОМ КУСОЧКЕ ВСЕЛЕННОЙ

Евгений Титаренко

На маленьком кусочке Вселенной

Титаренко Е. М.

На маленьком кусочке Вселенной / Е. М. Титаренко —

Повесть о жизни старшеклассников из небольшого рабочего поселка, о первой любви.

© Титаренко Е. М.

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 30
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Титаренко Евгений Максимович
На маленьком кусочке Вселенной
Повесть

Глава первая

Давнишняя и за давностью позабытая всеми история, которую я хочу рассказать вам, началась, пожалуй, второго сентября, когда счастливчик Димка наладил свой велосипед и впервые выехал из дому на Ермолаевку…

Этот день оказался воскресеньем. А что может быть приятней, отсидев первый день занятий в школе, на второй уже отдохнуть от них?

Димка лишь две недели назад поселился в поселке Шахты, который еще недавно состоял всего из нескольких домиков по ту сторону горы Долгой, а сегодня уже взобрался на ее вершину и теперь катился вниз по склону, к селу Ермолаевке, грозя поглотить со временем как Ермолаевку, так и деревню Холмогоры, что прилепились на скале Долгой вправо от поселка Шахты. Случиться это должно было в самые, ближайшие годы, а пока Холмогоры оставались деревней, Ермолаевка упорно сохраняла за собой звание села, и горы вокруг них были покрыты лесами.

Для Димки, коренного горожанина, только что приехавшего с родителями из Донбасса, открылся какой-то новый, непонятный ему мир, где даль нельзя охватить взглядом. И новые запахи кругом: сена, пшеницы, земли… Оказалось, что земля наша пахнет по-разному, и запахи породы в терриконах Донбасса ничего общего не имеют с запахом пашни…

Со дня приезда Димка мечтал исследовать дальний, за Ермолаевкой, горизонт, и его не покидало странное чувство, словно никто никогда еще не вступал в этот простор, словно он окажется открывателем…

Все утро Димка клеил велосипедную камеру, потом смазал как следует конуса и лишь к обеду вывел велосипед на пыльную дорогу перед домом.

Дороги поселка Шахты оказались невероятно пыльными. Возможно, потому, что на горе Долгой, где, как утверждали геологи, несметные запасы каменного угля, пласты которого выходят почти на поверхность земли, – на этой самой горе абсолютно не было воды. Она сверкала внизу, в трех ермолаевских прудах и в узенькой, метров пять шириной, речке. Но качать воду на двухсотметровую высоту оказывалось делом невыгодным. Геологи лихорадочно бурили Долгую, отыскивая подземные воды для артезианских скважин. А пока дважды в сутки – утром и вечером – улицы поселка Шахты оглашались радостным криком:

– Во-да-а! Во-да-а! Во-да-а!

Это сообщали о ней шоферы, развозившие воду в специальных цистернах.

Крик начинался в одном конце улицы и затихал в другом. Машины медленно ползли по пыльной дороге, а все женское и детское население улицы, похватав бидоны, ведра, чайники, бежало на этот крик, и, сколько бы ни ругались женщины, что такие неблагоустроенные эти Шахты, лица их теплели, когда, брызгая и сверкая на солнце, била в ведра живая, студеная, прозрачная струя воды.

Рано или поздно, конечно, ударят из-под земли артезианские воды, ляжет асфальт на пока что немногочисленные улицы поселка… Когда возведут строители обогатительный комбинат, когда вырастут огромные, на многие сотни машин и механизмов, гаражи, ремонтные мастерские, когда закончатся вскрышные работы на десятке квадратных километров площади, то есть когда экскаваторы снимут верхний слой почвы, чтобы добраться до каменного угля с поверхности, – появятся тогда в Шахтах и большущие магазины, и просторные клубы. Но тогда все здесь станет обыкновенным, как везде. А пока необычайными казались Димке и эта густая, черная пыль на дороге, и этот призывный крик по утрам: «Вода!»

Он выехал на дорогу под откос, отпустил тормоза, два или три раза крутнул педалями… И ветер набился в грудь, рванул воротник Димкиной рубашки, вздул ее барабаном на спине, затуманил глаза, так что он уже не видел ничего, кроме двух метров ускользающей под него черной ленты… А позади рвался из-под колес стремительный вихрастый шлейф пыли, и какая-то баба с окраины Шахт, приложив ладонь козырьком от солнца, повторяла, качая головой: «Вот бешеный… Вот бешеный!..»

А Димка наслаждался. И, вылетев на ровную дорогу перед Ермолаевкой и дождавшись, когда иссякнет инерция, почувствовал слабость во всем теле, дрожь в руках…

Палило солнце.

Закатанным до локтя рукавом Димка утер с лица пот и неслышно засмеялся про себя. Хорошо-таки жить на земле!

Он остановил свой велосипед у дома Валерки, своего первого знакомого и уже почти друга.

Вообще Димка медленно сходился с новыми людьми, так что некоторые считали его даже зазнайкой, гордецом. Но с Валеркой все получилось у него просто, в одну минуту, как бы само собой. Наверное, потому, что Валерка был чуточку отверженным среди ровесников, одиноким, как и Димка на первых порах.

Причиной этого был, правда, не столько характер Валерки, сколько его внешность, на которую больше других, наверное, обращал внимание он сам.

Уродом Валерка не был. Однако низкий рост, привычка ходить ссутулившись да еще предельная худоба при несоразмерно большой голове на широких плечах делали его похожим на горбатого карлика. И Валерка стыдился своей внешности.

Димку уже после звонка ввела в класс учительница русского языка Надежда Филипповна. В шахтинской школе было укомплектовано пока всего восемь классов, и, чтобы через год не менять учителей, Димка решил сразу поступать в ермолаевскую десятилетку…

– Это ваш новый товарищ, ребята, – представила его Надежда Филипповна, в то время как все с любопытством рассматривали Димку. И назвала Димкину фамилию. Потом сказала ему: – Садись.

На первые, девчоночьи парты он не глядел. Но сразу заметил, что во второй половине класса есть два свободных места: одно – за предпоследней партой, в правом ряду, у окна, и одно – в левом ряду, непосредственно за девчонками.

Парту у окна, удобно расположившись посреди сиденья, занимал рыжеватый парень с лихим волнистым чубом и насмешливыми ямочками в уголках губ. Другую занимал Валерка. Димка увидел его мельком и обратил внимание лишь на глаза: большущие, немного испуганные…

Сами обстоятельства требовали от Димки, чтобы он сел за предпоследнюю парту, чтобы уже в первую минуту знакомства с классом показать себя мужчиной – человеком, который знает цену каждого метра расстояния от учителя.

И, двигаясь между рядами, он глядел на задние парты. Мальчишка с чубом даже заранее отодвинулся к окну, освобождая ему крайнее место. Как вдруг Димка остановился, круто повернул налево и сел рядом с Валеркой. Тот даже вздрогнул от неожиданности и покраснел, уткнувшись в книгу. И весь класс бесцеремонно вытаращился на Димку: настолько непонятным был его выбор. Спасибо, Надежда Филипповна тут же стукнула карандашом о крышку стола, и головы обратились к ней.

А Димка и сам не мог бы ответить, почему вдруг сел на это неудобное место. Видимо, существует какое-то еще непонятное нам влечение между людьми, даже если они и не обменялись пока ни словом, а только глянули в глаза друг другу.

Надежда Филипповна стала что-то объяснять, а Валерка вытащил из парты «Цусиму», показал Димке и написал на обложке тетради: «Читал?» – «Читал», – тем же способом ответил ему Димка.

«Меня зовут Валерка», – написал Валерка.

И с этой минуты Димка уже знал, что у него есть друг.

* * *

В Ермолаевке было очень мало дощатых заборов, словно ермолаевцы не чувствовали нужды скрываться от кого-нибудь или от кого-то что-то прятать. Обыкновенные плетни, а кое-где и легкие жердяные загородки в одну-две слеги разграничивали усадьбы.

Валерка жил в доме № 3 по Маслозаводской улице, почти на окраине.

Димка отворил калитку, поднялся на крыльцо, несколько раз постучал в дверь и лишь тут вспомнил, что не предупредил Валерку, в котором часу приедет… В досаде оглядел пустые дворы и опять вышел на улицу. Время от времени в порывах ветра он улавливал густой, сытный запах жмыха, что доносился к нему от маслозавода.

До того, как появился на Долгой поселок Шахты, маслозавод был единственным на многие километры вокруг предприятием, и здесь работало большинство ермолаевцев. Остальные трудились на конезаводе, где было до удивительного мало коней, несколько ветхих ферм за селом казались погруженными в летаргический сон.

Димка не отказался от своих первоначальных планов и хотел добраться до той линии горизонта, где за полями холмогоровского колхоза виднелся лес. Нацарапал обломком извести на одной из жердей: «Приезжал. Димка»… И опять заструилась под колеса дорога.

Ермолаевка со своими тремя прудами и сосновым, когда-то помещичьим парком располагалась в низине, так что поля и лес были опять на горе (безымянной, как и другие в окрестностях, кроме Долгой), поэтому горизонт вовсе не был таким уж далеким.

* * *

Когда мы представляем себе лес, нам прежде всего слышатся его звуки – так привыкли мы к этим распространенным понятиям: птичье разноголосье, птичий гомон, шорох ветвей…

Но есть другой лес. Надо пойти к нему в канун осени, в тот небольшой период времени, когда лето уже закончилось, а осень не пришла..

Еще по-летнему знойно солнце, еще не поблекло небо за кронами старых осин, еще зелена листва. Но яркость – бездумная, щедрая яркость юности – уже позади. И будто от желтого солнца во всем – в каждом листе, в каждом стебле ясменника, в каждом блике на изуродованном стволе березы – просвечивает желтизна.

Неповторимо и тревожно это волшебное ожидание грядущих перемен.

Не позовет сойка, затаилась и не отсчитывает годы кукушка – лес будто оцепенел в блестках паутины, разливе солнца, тишины…

* * *

Дорога сворачивала у опушки. Димка оставил ее и, одной рукой держа велосипед, другой отстраняя случайные ветви на пути, вошел в лес. Трудно сказать, таким или не таким он ожидал увидеть его, – об этом Димка просто не думал. Главное, что лес был настоящим. И Димка на секунду задержал дыхание перед окружившей его тишиной. Потом медленно, осторожно, чтобы не нарушить безмолвия, двинулся глубже, в чащу…

Он заглядывался на каждую случайную березу по пути, на каждое случайное дупло в корявом стволе вяза, твердо убежденный, что в ветвях березы скрывается от него хитрая птица, а в дупле – осторожный зверек. Но сколько ни присматривался, только раз увидел испуганно заметавшуюся перед ним ящерку – точно такую же, каких предостаточно и в степи Донбасса. Но это не разочаровало его: он добрался до намеченного горизонта, и само безмолвие леса было загадочнее всех возможных звучаний. Потому что именно в безмолвии скрываются тайны.

Димка шел и шел, а лес постепенно становился гуще, укрывая его от застывшего в зените солнца. Ни шороха вокруг. И предчувствие чего-то необыкновенного охватило Димку. Ведь не может оказаться в жизни так, что вся она пройдет, а ничего необыкновенного не случится! Пусть не случилось месяц назад, пусть не случилось вчера, но когда-нибудь должно же случиться, если человек прожил четырнадцать с лишним лет на земле, если уехал за сотни километров от донецких терриконов, если пересек Волгу и Каму, если добрался почти до Уральского хребта, если только что, ни разу не притормозив, покорил Долгую гору, если впервые смело вошел в настоящий лес – и не почувствовал себя чужим этому лесу…

Вести велосипед между деревьями стало уже трудно; без конца приходилось утирать глаза от налипающей на ресницы паутины, когда лес вдруг расступился. Димка всего на долю мгновения, ослепленный яркостью желтого солнца и желтой, в усохших травах поляны, закрыл глаза. А когда открыл их – увидел перед собой девчонку. Она держала в одной руке только что сорванный кустик ковыля и, забыв приложить его к букету, глядела на Димку… Вот этого он никак не предполагал: что в лесу, кроме него, может быть еще кто-то.

Димка оглядел поляну. Лес не кончался, он продолжался дальше: за ней и по сторонам. А немного вытянутая вправо и влево поляна была желто-коричневой от засохших трав. Они разрослись под деревьями сплошным покровом, так что велосипедные колеса почти утонули в них, и Димка утонул выше колен, и эта неожиданная девчонка. Но ближе к центру поляны травы словно расступались, чтобы можно было видеть большой плоский камень на земле. Солнце зажигало в нем зеленые искры, и даже отсюда, издалека, Димка видел красноватые прожилки на поверхности камня.

– Откуда это?.. – спросил он, глядя в центр поляны, где лежала плита.

– От ледника, – негромко и спокойно ответила незнакомка.

– От какого ледника? – переспросил Димка.

– Который был, – сказала она.

«Ну да, это ж который еще до царя Гороха…» – спохватился Димка.

Он снова перевел взгляд на девчонку и вспомнил ее: она сидела в классе через парту перед ним. Вернее, чуть вправо от него, перед Валеркой.

– А я тебя знаю, – сказал Димка.

– Вовсе ты не знаешь меня, – все так же спокойно ответила она.

– Ну, видел в школе…

– Так я тебя раньше видела.

В словах ее был резон, и Димка помедлил, досадуя на то, что она восприняла неожиданную встречу гораздо спокойней, чем он, и даже немножко смутился от сознания, что выдумал себе, как маленький; нехоженые тропы, дальний горизонт… Хороши дебри, где на каждом шагу девчонки бродят!

Она была в черной юбке и белой в горошек кофточке без рукавов. Горошек вылинял, так что казался теперь светлосерым, хотя раньше был, наверное, голубым или даже черным. Но узнал ее Димка не по кофточке, а по косе. Коса у нее была ниже пояса. В школе она падала девчонке на спину, теперь лежала на груди. Солнце опалило волосы на ее голове, и они казались поэтому светлее, чем коса.

Только что сорванный кустик ковыля она все еще держала в правой руке. А букет был в левой.

– Не боишься одна тут? – спросил Димка.

– А чего бояться? – ответила девчонка.

– А то, что далеко! – рассердился Димка, подведя велосипед ближе к разноцветному камню и усаживаясь на камень. Велосипед, который он опустил на землю, сразу же утонул в травах.

Девчонка впервые чуточку улыбнулась:

– Я сюда почти каждый день ходила, пока лето…

Димка сорвал прозрачное перышко ковыля и принялся изучать его. «Ковыль как ковыль. Не лучше донбасского…» – мрачно заключил он. Хотелось убедить себя, что эта неожиданная встреча, которой он не планировал, а значит, и не хотел, испортила ему все настроение. Но злости на девчонку не было.

А та, решив, по-видимому, что разговор окончен, сорвала еще две или три ковыльные пряди, немного помедлила, глядя на Димку, и тоже подошла к разноцветному камню. Положив букет, начала заново перебирать свое богатство, тщательно примеряя один к другому стебельки.

Кроме ковыля, у нее были еще ромашки, несколько веточек березы да какой-то незнакомый Димке лиловый цветок с колючками.

Оба сделали вид, что каждый занят своей заботой, но время от времени искоса, будто невзначай, поглядывали друг на друга.

– Садись, что стоишь? – не очень приветливо сказал Димка, чтобы нарушить молчание, и слегка отодвинулся.

Девчонка, поджав губы, несколько секунд еще занималась букетом, словно бы не слыша Димкиного предложения. Но потом все же села, плотно обтянув юбку вокруг ног, и опять занялась ветками.

– Что, ближе к дому разве ковыля нет? – спросил Димка.

– Есть, – сказала девчонка. – Но это моя поляна.

– Как это – твоя?..

Девчонка поглядела на него:

– Потому что здесь никто не ходит.

– Мало ли… полян всяких. – Димка пожал плечами.

Она в ответ на это сдвинула брови, потом, отложив букет и обхватив колени руками, долгим взглядом посмотрела в глубь оцепеневшего под зноем леса. Волосы на голове у нее выгорели, а брови – нет и были темные, цвета косы.

– То всякие, а это – моя, – повторила она.

– Тебе ее выбирали?.. – неуверенно съязвил Димка.

– Сама выбрала.

– А зачем?..

Обернувшись, девчонка секунду-другую внимательно смотрела на него.

– Если мы не поссоримся, я тебе расскажу когда-нибудь.

– А чего нам ссориться? – сказал Димка. – Что мы, дети?

Она опять поглядела на лес, подумала, теребя в пальцах ромашку.

– Просто… Хорошо, когда есть свое что-нибудь. У меня, например, дерево свое – дуб. Я прихожу – и мы как знакомые. Потом вот поляна. А еще есть озерцо. Там все лето утка жила. Маленькая такая… Тебе, например, все равно: лес и лес… – Девчонка снова поглядела на Димку. – А мне не все равно. У меня тут знакомые. Понял?

Димка понял.

– Возьми и ты выбери что-нибудь, – сказала девчонка.

– Да я ж тут в первый раз, – неожиданно для себя признался Димка. – Разве что камень? – Он потрогал рукой шероховатую поверхность камня.

– Камень? – переспросила девчонка. И до того весело засмеялась вдруг, что Димка тоже невольно заулыбался в ответ.

– Но он же на моей поляне! – сказала девчонка. Потом задумалась, перестала смеяться. – Ну, если, конечно, он тебе нравится… Знаешь, ладно, – согласилась она, – камень я отдам тебе. Но если что… могу взять назад! – Она быстро склонилась, чтобы глянуть в глаза Димке, и кончик косы ее при этом лег на траву. – Понял?

– Понял, – сказал Димка. И, воодушевляясь, добавил: – А я разрешаю тебе за это сидеть на моем камне!

Девчонка снова тихонько засмеялась.

Потом взяла свой букет и с прежней серьезностью начала перекладывать с места на место кустики ковыля.

Разговор прервался, и уже скоро, в затянувшемся молчании, его нужно было начинать как бы сначала.

Димка вовсе не стал уверенней оттого, что сидел теперь на собственном камне.

– А может, ты после будешь смеяться над тем, что я тебе рассказала? – строго спросила девчонка.

– С чего это я?.. – Димка тряхнул головой и наконец-то задал вопрос, который с самого начала вертелся у него на языке: – Как тебя зовут?

– Ксана… – сказала девчонка, наклонясь над букетом, чтобы перевязать его стеблем подорожника.

И Димка не видел при этом ее лица.

– А меня зовут Димка, – сообщил он, забыв, что учительница Надежда Филипповна уже представляла его.

– Вообще-то у меня имя Оксана, но все зовут Ксаной. И ты так зови, если хочешь. Ладно? – Она уставилась на Димку глаза в глаза.

Димка кивнул.

… На опушку она вывела его чуть приметной тропинкой и, чтобы тот не забыл дороги к разноцветному камню, поясняла все время:

– Здесь – прямо вон на ту липу!.. Овражек чтобы справа был…

На опушке задерживаться не стали, прошли по дороге до спуска, откуда как на ладони была видна вся Ермолаевка, а поселок Шахты, если бы долететь до него по воздуху, казался и вовсе рядом.

Тут Ксана остановилась.

– Давай я тебя на велосипеде подвезу, – предложил Димка.

– Нет… – Она поглядела в землю и носком прочертила в пыли какую-то замысловатую линию. – Нельзя… – сказала она, поднимая глаза.

И Димка увидел, что на щеках у нее сквозь загар проступил румянец.

– Ну, как хочешь, – ответил Димка, потому что надо было как-то ответить.

– Да нет… – сказала Ксана, еще более смущаясь. – Ну просто нельзя мне… Вот, – заключила она.

Димке тоже стало почему-то неловко. Здесь, на дороге, Ксана вся заметно переменилась. Будто бы на поляне, у камня, она действительно чувствовала себя хозяйкой. А тут ее владения кончились, и она сразу притихла.

– Ну, нельзя так нельзя… – начал было Димка.

Ксана перебила его:

– Прикрути себе вот сюда, – сказала она, отделяя от своего букета больше трети ковыльных прядей и показывая на руль велосипеда. – А то забудешь, что и в лесу был… – Немного погодя добавила: – Всегда надо что-нибудь приносить с собой – тогда долго кажется, что в лесу.

Димка с готовностью взял у нее ковыль и, разрывая от усердия один стебель подорожника за другим, начал тут же прикручивать его к рулю. Ксана тем временем, потроша букет, выбрала для него еще и березовую ветку. Когда же букет удалось наконец пристроить и, проверяя стебли подорожника на прочность, Димка несколько раз ударил передним колесом о землю, она вдруг спросила:

– Валерку ты давно знаешь?

– Откуда? – удивился Димка. – Только вчера познакомились!

– Тогда скажи… – Она перекатила с места на место сухой комочек земли под ногами, отодвинула его ближе к обочине. – Только правду… Ладно? – Поглядела в глаза Димке. – Почему ты сел с Валеркой, а не с Сережкой Дремовым?

– А что?.. – Димка насторожился. – Разве Валерка плохой парень?

– Нет, – серьезно ответила Ксана. – Наоборот. Валерка лучше Сережки. Валерка очень хороший. Но ведь ты же не знал?

– Нет, – согласился Димка. – Но как будто знал! – Он вдруг почувствовал себя благодарным Ксане за то, что она так хорошо думала о Валерке. Значит, он не ошибся ни вчера, ни сегодня. Ни в Валерке, ни в ней.

– Ладно, – сказала Ксана. Опять глянула на сухой комочек земли у своих ног, но не тронула его. – Мне пора… – И, сделав полшага, задержалась. – Ты побудь здесь, хорошо? А

когда я спущусь, поедешь. Вон видишь – мой дом… Нет, ближе… Где крайние вот. И журавль напротив. Видишь? (Димка кивнул.) Ну вот, когда я зайду домой, тогда поедешь. Ладно?

И Ксана пошла вниз, под гору. А Димка опять уложил свой велосипед в траву и сел на какой-то бугорок, глядя на Ксану, на ее дом против колодезного журавля, на пруды, в которых отражалось голубое небо.

* * *

Сосновый парк и пруды были основными достопримечательностями нашей Ермолаевки.

Прудов было три, а питала их всего одна речка, которую взрослому человеку ничего не стоило перепрыгнуть. И уж на что изощрены люди давать всевозможные названия своему природному окружению: полям, рощам, озерам, луговинам – речка названия не имела. Кому-нибудь это может показаться странным, особенно тем, у кого справа журчит Белянка, слева прячется под нависшими над водой кустами Чернавка, а за спиной игриво петляет, то возвращаясь на полкилометра назад вдоль собственного русла, то убегая куда-то в сторону, Стремянка… А здесь на десятки километров вокруг была одна-единственная речка. И речка – было ее именем, речка – было ее титулом, и должность у нее была речки. Потому-то, наверное, бережливые прадеды и возвели по лопатке, по горсточке три плотины, чтобы речка не уносила свои воды сразу куда-то дальше, а поработала бы немножко, подпоила бы землю вокруг да и глаз порадовала бы…

Пруды назывались: Мельничный, Маслозаводский и У дамбы.

Самый красивый был у дамбы. В нем и купались-то редко, чтобы не потревожить, – до того он был величав, таинствен и спокоен.

Неподалеку от Мельничного располагалась школа. А по берегам его маялись рыбаки: нетерпеливая молодежь – напрасно, а флегматичные старики – с прицелом на уху.

Широкий и многоводный третий пруд по форме напоминал подкову, с наружной стороны которой, на самом горбу ее, пальцем в небо торчала маслозаводская труба, а внутри подковы шумел парк такой красоты, какая вам и не снилась, наверное. Потому что был этот парк сосновым и таким вольготным, с таким хвойным ароматом, что не одна молодая голова закружилась здесь…

Если стать в парке лицом к маслозаводу, поселок Шахты, а значит, и гора Долгая будут за спиной, Валеркина улица – налево от вас. А если спуститься парком вправо, где, собственно, Ермолаевка уже кончается, и если по дощатым мосткам перейти через речку, а затем узкой, петлявой тропинкой между осок и камышей в человеческий рост, через густые посадки рябины и акации, мимо огородов пройти с полкилометра, вы увидите еще с десяток ермолаевских домов (домиков, как их называли в отличие от всей Ермолаевки), неведомым случаем выброшенных из села на эти вот самостоятельные просторы. Здесь мы и остановимся, поскольку именно здесь, между пыльной дорогой и недлинным рядом крепких изб, против одной из оград, как цапля на болоте, возвышался белый, промытый дождями и отшлифованный ветром колодезный журавль, на который глядел теперь Димка, потому что Ксана была уже возле дома.

* * *

Еще на подходе она услышала голос матери от крыльца:

– Я не двужильная, хватит с меня одной нахабы! Бегать за тобой не буду, и без того дыхнуть некогда! Всю жизнь, как собака, мотаюсь! Иди, иди! Да только не возвращайся больше! А Ксанку не трожь – никто она тебе!

Голос дяди Мити откуда-то из горницы:

– Ну ладно, ладно, ты соседей только не собирай!

Опять сорванный в крике голос матери…

Мать Оксаны тоже звали Оксаной. И, как бы для того, чтобы не путать их, Оксану-дочь стали называть Ксаной, а мать – Саной.

Отца своего Ксана не помнила. Он был нездешний и куда-то уехал, когда она еще не родилась. Об этом Ксана слышала от людей, мать об отце ничего не говорила.

А участковый милиционер дядя Митя целый год был ее отчимом. Хорошим отчимом – как отец…

Дверь на крыльце соседнего дома чуть приоткрылась. Уж тетя Полина слова не упустит из очередного скандала.

Жалея, что явилась не вовремя, Ксана прижалась к бревенчатому срубу под окном горницы. Впрочем, сцены такого рода повторялись в доме без конца, избежать их не было никакой возможности.

Конечно, мать прожила трудную жизнь. Но почему-то считала, что все, кроме нее, виноваты в этом. Уже не молодая, но еще по-настоящему красивая, она называла себя «двужильной» потому, что вынуждена была работать, тогда как другие «семечки щелкают». Хотя совсем не многие женщины «щелкали семечки» – большинство работало. Дядя Митя в простоте своей намекнул однажды, чтобы она ушла с завода и сидела дома, так на целый час подал ей тему обвинять всех, будто хотят ее на старости «по миру пустить», а она «еще ни на чьей шее не сидела», чтобы ее «куском попрекали»…

«Хватит одной нахабы» – это она про Ксану. Будто Ксана виновата, что родилась… Работала мать действительно много. Но уж лучше бы она меньше работала.

Стоило Ксане взяться мыть посуду, как мать вбежит на кухню, вырвет у нее тарелку и: «Дома люди отдыхают, а я нигде спины не разогну! Что каторжная! И за что меня бог наказал?» Наверное, она была просто очень нервной… Но раньше все это было еще терпимо. Кавардак начался, когда в доме появился дядя Митя. Мать решила вдруг, что он хочет «переманить» у нее Ксану. Раздобудет, например, дядя Митя хорошую, в гладких корочках тетрадку для Ксаны, – матери кажется, он подкупает ее: «Я деньги на хозяйство трачу, мне не до подарков, а он тетрадочки носит!» Тихонько заговорит дядя Митя с приемной дочерью: «Шушукаетесь? Обо мне шушукаетесь? Обо мне шушукаетесь?»

И уж через месяц примерно дядя Митя, глядя куда-то в сторону и смущенно дергая себя за ус, пожаловался Ксане: «Не выдюжу я, наверно…»

Прошлую ночь он возвратился домой часа в два-три. Это случалось и раньше, однако шум на этот раз был особенный. И теперь по словам матери Ксана поняла, что дядя Митя все-таки «не выдюжил».

Зайдя в сени, мать хлопнула дверью так, что вздрогнул весь дом.

А от крыльца, из-за угла дома, вышел с фанерным чемоданчиком в руке дядя Митя. Он глядел под ноги и чуть не прошел мимо Ксаны.

Остановился. Кашлянул.

– Ты, Ксан, заходи, а? У меня ж никого, в общем… И учись. Я, значит, помогу, если что… Бывай…

Дядя Митя натянул козырек фуражки на глаза, дернул себя за ус и зашагал, не оглядываясь, в сторону Ермолаевки.

Бабка Зина, что жила на Парковой улице в доме четырнадцать, где он бессчетное количество лет снимал себе комнату, будет рада возвращению своего постояльца.

Ксана глядела в спину дяде Мите, пока он не скрылся на тропинке за акациями, потом осторожно поднялась на крыльцо. Хотела оставить букет на улице, передумала и вошла в дом с букетом.

Мать, лежа на кровати лицом к стене, плакала. Услышав, как скрипнула дверь, оглянулась, потом села, тыльной стороной ладони утерла глаза и, вопреки ожиданиям, сетовать не стала.

Ксана от пяток до макушки была похожа на мать: что глаза, что нос, что уши, мочки которых у Ксаны давно уже были проколоты, но сережки носить ей было рано, а мать в минуты жалости к самой себе любила повторять: «Умру вот – тогда мои вденешь». Коса у матери была длиннее Ксаниной, и, сколько помнит себя Ксана, мать всегда носила ее два раза обернутой вокруг головы.

– Ушел твой родимый…

Ксана не ответила.

– Побыл – и хватит, – проговорила мать, обращаясь к стене или потолку. – Все вы так. Пока нужна. А потом бросите…

Ксана взяла со стола пустую стеклянную банку и тихо прошла в кухню набрать воды для букета.

– Есть будешь? – спросила мать.

– Нет… – помедлив, отозвалась Ксана.

– Может, аппетит пропал?

Ксана не ответила. Возвратившись в горницу, молча поставила букет на стол. В простенке между окнами, как раз над цветами, висели в двух рамках фотографии: Ксаниного деда, Ксаниной бабушки, матери, трех материных братьев, что погибли во время войны, несколько фотографий Ксаны… Год назад мать подложила под стекло в одну из рамок фотографию дяди Мити: еще молодого, с черными, загнутыми вверх усами. Вытащит мать фотографию или нет?

– Что не отвечаешь?

– Я же, мам, сказала – не хочу.

– Избаловалась ты за этот год. Смотри у меня! – И добавила, оправляя подушки: – Слишком много воли стало… Валяете дурака…

Ксана поглядела на русый затылок матери и незаметно скользнула в другую комнату, что была ее «собственной». Здесь она спала, здесь готовила уроки, здесь пряталась на время от шумных материных бесед с дядей Митей.

Ксана выглянула в окно и сначала увидела только пыльный след по дороге от леса, потом вынырнул из небольшой ложбинки на склоне велосипед, и Ксана разглядела даже, как полощется на ветру Димкина рубаха.

Он правил одной рукой, потому что другой удерживал букет посредине руля.

Потом он опять ненадолго скрылся в низине.

Затем показался уже на подъезде к дому тети Полины. А против дома Ксаны – может, умышленно, а может, случайно – притормозил и глянул на окна.

Ксана отошла в глубь комнаты.

– Иди ешь! – крикнула из кухни мать.

– Иду… – отозвалась Ксана.

* * *

Дядя Митя с незапамятных времен был в округе единственным и полномочным представителем закона. Большой, неторопливый, с лихими, вразлет, усами, он принял когда-то – уже не помню когда – сельский участок Ермолаевка – Холмогоры и, внушительный при своей могучей фигуре, сразу стал для всех дядей Митей, хотя лет ему тогда едва перевалило за тридцать. Но годы шли. Взрослели и обзаводились детьми «племянники» участкового, уже у их детей появились дети, поседел дядя Митя, потучнел слегка, но не согнулся и как для третьего поколения, так и для их отцов, дедов по-прежнему оставался «дядей».

Первый год своей работы дядя Митя ездил на лошади. Красивая кобыла была у него, Загадка, – серая в яблоках… Но уж слишком высок дядя Митя, а сядет в седло – хоть пригибайся. Другому это, может, и нравилось бы, а дядя Митя не любил быть заметным, да и обязанности у него не такие, чтобы за версту колокольней просматриваться. Осень и зиму еще холил дядя Митя свою Загадку, а потом взял ее под уздцы и, согласно правилам, которые распространяются на казенное имущество, отвел за ненадобностью в райцентр.

Жили в Ермолаевке и Холмогорах более или менее сытно даже в самые трудные послевоенные годы. Многое тут зависело, конечно, от обыкновенного везенья. Бывало, что и справа у соседей засуха, и слева погорело все, а над Ермолаевкой и Холмогорами, глядишь, пробежит в мае тучка и два-три раза прольется на огороды, на поля.

Ну, а потом все это – война и послевоенное – забылось, отошло, насколько может вообще забыться такое. И один за другим потекли над ермолаевскими прудами годы тихие, мирные, без особых, казалось бы, переворотов и потрясений.

В райотделе главной заботой участкового считали маслозавод. Но директор завода, работник умный, опытный, не попустительствовал злоупотреблениям, а старик Иван Иваныч на проходной обязанности свои знал, и как раз на маслозаводе все пока обходилось без чрезвычайных происшествий.

Заботы явились к дяде Мите оттуда, откуда он их меньше всего ждал… Радовался он, когда ставили первые домики на противоположном склоне Долгой горы, радовался, когда пришли на Долгую первые экскаваторы, и все думал, что перемены – это вон, рядом: гляди, любуйся. А у него – в Холмогорах, в Ермолаевке – все останется как было. И до удивительного внезапно, в одно какое-то мгновение, обнаружил, что ничего, как было, не останется. Что будущий город уже перехлестнул через Долгую и катит вниз, на его владения. А вместе с ним катится и какая-то другая жизнь: с иными темпами, в иных масштабах. И ребята из тамошнего отделения все молодые, образованные; пешечком редко кто пройдет, а чаще шаркнет мимо на мотоцикле: «Привет, дядя Митя!» – и уже нет его.

А дядя Митя когда-то даже Загадку сдал за ненадобностью…

Пойдут ермолаевцы и холмогорцы в карьер, закроют этот несчастный маслозаводишко, который только на безрыбье и заводом-то величают… А куда деваться тогда участковому? Испугался дядя Митя этой лавины сверху. И уже не замечал, как раньше, что стали по-городскому одеваться девчата, что больше гармоней загуляло по вечерам, что дорогу прокладывают асфальтированную к облцентру… Потом спохватился: старость. И решил, что поборется еще. Вспомнил с опозданием лет на тридцать, что не женат.

Когда сватался дядя Митя за Сану, красоту ее в приданое брал. В две минуты собрал он свой старый чемодан, поблагодарил бабку Зину за хлеб, за соль и отправился начинать семейную жизнь…

А жизни не получилось.

Теперь он шел по дощатым мосткам в обратном направлении, к бабке Зине, и устало, беззлобно ругался про себя: «Ксанку там бросил…»

Дядя Митя сгорбился вдруг и, совсем как дряхлый старик, зашаркал ногами.

Выпрямился, перехватил из руки в руку чемодан, поправил фуражку, чтобы козырек прикрывал одну только правую бровь, и зашагал своей обычной ровной походкой.

«Вот так, – сказал он сам себе. – Рано еще сдаваться. А ты, Ксан, ты погоди. У меня ведь, кроме тебя, никого нету…»

И у дяди Мити защипало в глазах.

* * *

Валерка сидел на крыльце, читал. Немножко близорукий, положив книгу на высоко поднятые колени и почти уткнувшись носом в страницу, он выглядел еще меньше – каким-нибудь первоклассником.

По крыльцу рядом с ним, громко пища, шныряли цыплята и один за другим пытались выклевать родинку на босой Валеркиной ноге. Валерка был весь в родинках. Говорят, это к счастью. Кто его знает…

С появлением Димки цыплята разбежались. Но, мало-помалу сужая круг, опять осмелели.

– А я за травой ходил для кроликов, – показывая на загородку возле сарая, объяснил Валерка.

Димка сказал ему, что был в лесу. Договорились на будущее заняться рыбалкой: Димка ни разу еще не держал в руках удочки. Там, где он жил раньше, искусственный ставок для купания всегда кишмя кишел от пацанов, и лягушки были единственной живностью, что еще водилась в этой луже.

Обсудив планы на будущее, помолчали. Солнце уже клонилось к вечеру, но было по-прежнему знойно и тихо. Даже собаки не лаяли. А наседка зарылась в пыль у крыльца и, время от времени поднимая голову, чуть слышно всквохтывала, чтобы не задремать.

– Я ведь тоже собирался в лес, – сказал Валерка.

Димка спросил, будто не расслышав его:

– Ты девчонку, что перед нами сидит, с косой такая, знаешь?..

– Перед нами… – Валерка помедлил. – Ксану?

– Ну да, – небрежно ответил Димка.

– А ты откуда ее знаешь?

– Да вот… встретил в лесу. – Димка кивнул на букет у руля.

– Знаю, – сказал Валерка. – Она у меня книги берет… – И неожиданно спросил: – Понравилась тебе?

– Ну, как это… – Димка растерялся.

– Она тебе понравится! – тряхнув большой головой, с непонятной убежденностью заявил Валерка. – Вот увидишь…

А Димка почему-то вспомнил о своей прическе – что волосы его всегда копной на голове. Стал обеими руками приводить их в порядок.

– Она часто в лес ходит… – задумчиво проговорил Валерка.

Взмахнув рукой, он отогнал от своих ног цыпленка и, меняя тему разговора, сказал:

– Ты знаешь, раньше мне книги Надежда Филипповна давала, она и объясняла, что непонятно. А теперь мне свои шофер дядя Василий из города привозит. Он малограмотный: станет возле прилавка и глядит, что люди покупают. – Валерка засмеялся. – Привезет – и растолковывает мне: вот эта самая хорошая, ее пять человек купили, эту – трое, а вот эту, говорит, я сам взял – уж больно фамилия мудреная.

Они посидели еще немного. Потом Димка уехал домой обедать.

А Валерка остался на крыльце. В книгу он не глядел, смотрел, как пологой тропинкой мимо дамбы въезжает на гору Димка, и увидел вдруг, что идет Ксана.

Поздоровалась и, опершись подбородком о кулаки, села рядом с Валеркой.

– Почитать что-нибудь? – спросил Валерка.

Она кивнула:

– Если есть…

– На. – Валерка захлопнул книгу, что лежала у него на коленях. – Про геологов. Вынести еще что-нибудь?

– Нет, хватит.

– Как хочешь, – сказал Валерка.

Ксана глядела прямо перед собой.

– А от нас дядя Митя сегодня ушел…

– Поругались?

Ксана кивнула.

– Может, помирятся, – успокаивающе сказал Валерка.

– Нет… Сколько уж…

Помолчали.

– А ко мне Димка, новый наш, приезжал, – после паузы сказал Валерка.

– Я видела его.

– Он говорил.

– Что говорил? – спросила Ксана.

– Что видел.

Ксана кивнула. И они опять помолчали, глядя вверх, на поселок Шахты, куда уехал Димка.

– Ты в парк сегодня пойдешь? – спросил Валерка.

– Я боюсь теперь через посадки… Шахтинские пугают.

– А я провожу тебя! Мы с Димкой вместе проводим, – поправился Валерка.

Ксана подумала.

– Если отпустят… И если Ритка пойдет, чтоб не одной. – Потом спросила: – А он что, тоже собирался?

– Я позову его, – сказал Валерка. – Я знаю, где он живет.

– Да это я так… – сказала Ксана. – Если отпустят, пойду.

* * *

Ночь над Маслозаводским прудом опускается быстро.

Только что село солнце, наполненные будничными звуками, струились между стволами деревьев сумерки. Вдруг как-то сразу явилась тишина, и замерло движение…

Как сказочные изваяния, цепенеют над водой сосны. Черные кроны их таинственны. Ни звука в пустынных аллеях. Мягкая хвоя скрадывает шаги, и напряженная, зыбкая темь впереди…

Можно ступить на поверхность пруда и шагать из конца в конец. Потому что вода его стала твердой и лежит черным зеркалом у твоих ног…

Выйдет круглая из-за невидимых туч луна, чтобы глянуться в это черное зеркало, не зная будто, что ночь от этого сразу же становится прозрачной: только самые глухие аллеи цепко удерживают темноту, а над прудом – загадочное сияние. И неожиданно – голубая дорожка от самого берега…

Матери Ксана не сказала, что идет на танцы, сказала: «Дойду с Риткой до парка…»

Ритка была на полголовы ниже Ксаны и, белокурая, с большущими синими глазами, с ямочками на щеках, казалась похожей на куклу. Бойкая и веселая, Ритка никак не хотела мириться со своей кукольной внешностью. Лишь по собственному Риткиному желанию глаза ее делались большими, круглыми и беззащитными (когда ее вызывали к доске, например), в остальное время они полыхали озорством, и всякий раз, когда от неудержимой улыбки начинали вздрагивать ямочки на Риткиных щеках, можно было не сомневаться – через минуту она обязательно что-нибудь выкинет.

В домиках ровесниц девчонкам не было, и они сидели в школе за одной партой, вместе возвращались после уроков, ходили вместе в кино.

Уже за речкой, поднимаясь по тропинке между сосен, Ксана заметила в стороне Валерку и Димку.

– Гляди! – подтолкнула ее Ритка. – Новенький!

Ксана замешкалась и не ответила.

Когда проходили мимо ребят, глаза у Ритки стали круглыми, отсутствующими, и шагов десять настолько прямо глядела она перед собой, что, попадись на дороге сосна, Ритка обязательно ударилась бы о нее лбом. Ксана тоже сделала вид, что никого не заметила, как это полагается делать девчонкам: не в классе же и не днем где-нибудь, а в парке, вечером… Но Ритка не знала, что шагов через двадцать Валерка и Димка пойдут следом за ними, а Ксана знала.

– Ты что? – спросила она, когда Ритка вдруг прыснула в кулак.

– А так! – беспечно отозвалась Ритка. – Завтра подсуну ему записку!

– Кому – ему? – неуверенно переспросила Ксана.

– Не Валерке, конечно! – Ритка передернула плечами.

И Ксана, которая минуту назад еще колебалась, говорить ей или не говорить про свое знакомство с Димкой, теперь поняла, что не скажет.

Оркестр пока не играл, но лампочка уже мерцала, едва заметно покачиваясь под естественным абажуром густой, темной хвои.

В ожидании начала мальчишки-оркестранты демонстративно курили. Они были главными фигурами здесь и подчеркивали это всем своим видом. Ксана знала, что иногда перед танцами они распивали даже бутылку вина.

Духовой оркестр существовал в Ермолаевке с того времени, как пришел на маслозавод мастером Федор Карпович Нечаев. Завод купил трубы, а Федор Карпович собрал мальчишек и научил их играть несколько танцев, гимн, туш да еще похоронный марш. Валерка одно время тоже играл на флейте, но почему-то бросил.

Девчонки прошли в свой «законный» правый дальний угол, где уже теснились, перешептываясь, восьмиклассницы и семиклассницы.

Занял свои места оркестр, и первый вальс, «Амурские волны», плеснул в тишине над уснувшими соснами, над прудом, отозвался эхом откуда-то издалека: то ли от Холмогор, то ли от поселка Шахты.

Но первый вальс, как правило, никто не танцевал: осматривались, занимали удобные места, делились новостями.

Ритка отошла поболтать с девчонками, а Ксана протиснулась в самый уголок и некоторое время стояла спиной к дощатой загородке, потом, осторожно глянув по сторонам, различила невдалеке силуэты Валерки и Димки…

Вальс кончился. А когда зазвучало танго «В этот час, вечерний час любви…», в центре пятачка образовались первые из наиболее решительных пары.

Уж такой был обычай в Ермолаевке, что танцы никогда не начинались до темноты. Пока сгущались сумерки и, беспокойная, порхала от сосны к сосне какая-то серая птица, девчата и парни гуляли по аллее возле пруда. На танцплощадку входили по шатким ступеням лишь после того, как зажигалась лампочка на сосне. И два-три года назад танцы очень напоминали давно забытые в деревнях посиделки: левая сторона пятачка, где оркестр, считалась традиционно мужской, правая – женской…

Крутой перелом на танцплощадке произошел с появлением шахтинских ребят. Они вваливались целой компанией и, едва ступив на пятачок, разобрали на танго чужих девчат. Левая сторона мгновенно притихла. И быть бы в тот вечер великой драке, но вслед за первой группой шахтинской явилась вторая: человек десять энергичных, крепких парней с красными повяз-

ками на рукавах, и страсти как-то сами собой улеглись. Но зато с тех пор лишь правый дальний угол остался неприкосновенным – здесь танцевали друг с другом девчонки возрастом до девятого класса, на остальной территории пятачка стороны окончательно перемешались.

В безветрии откуда-то наплыли тучи, и погасла отраженная в пруду луна. Зная, что Ритку не утащить домой среди танцев, Ксана все же предупредила ее, что уходит. А когда сошла с освещенного пятачка в темноту, приостановилась, чтобы краешкам глаза разглядеть неподалеку двух друзей, и, наклонив голову, зашагала по направлению к домикам, не видя, а скорее угадывая тропинку.

Следом, на некотором расстоянии от нее, двинулись Валерка и Димка.

Этого не мог не заметить всевидящий дядя Митя. Он шел за друзьями почти до конца парка и в свете луны, что на полминуты выглядывала из-за туч, с любопытством разглядывал Димку. Относительно Валерки у него давно сложилось определенное мнение, а этого парня он видел впервые. Решив, что на шалопая он не похож, дядя Митя остановился. Уже то, что с парнем Валерка, должно бы успокаивать. Однако что-то дрогнуло в груди у дяди Мити.

* * *

На спуске, что вел к мосткам, когда танцплощадка осталась далеко позади, Валерка негромко окликнул:

– Ксана!

Она задержалась, глядя на воду. А когда Валерка и Димка догнали ее, первая, не оглядываясь, перешла на другой берег.

По тропинке между осоками шли гуськом и потому не разговаривали.

Молчание нарушил Валерка:

– Плохие танцы?

– Хорошие, – ответила Ксана.

– А почему рано ушла?

– Просто… Маму не предупредила.

Опять ненадолго выкатила из-за туч луна и посеребрила осоку вокруг.

– Что-то мне не нравится новая физичка! – неожиданно заявил Валерка. – Что ей в парке надо было? Ходила, присматривалась…

– Может, гуляла просто, – вступилась Ксана за учительницу.

Димка ничего не сказал: для него в Ермолаевке старая учительница Надежда Филипповна была такой же новой, как и физичка, которой он еще не видел.

– Что у нее, мужа нет – гулять? – вопросом на вопрос ответил Валерка.

И, таким образом исчерпав до конца все животрепещущие темы, они опять надолго замолчали.

Посадки обрывались почти у самых домиков. Сделав еще несколько шагов, Ксана остановилась.

– Все… – сказала она.

– Я сейчас. Гляну… – неожиданно пробормотал Валерка, исчезая в кустах.

Ксана и Димка на секунду растерялись.

– Чего это он? – спросила Ксана, исподлобья взглянув на Димку.

– Не знаю… – Димка пожал плечами.

– Валер! – громко позвала Ксана.

– Сейчас! – отозвался Валерка откуда-то из глубины акаций.

– Вот еще… – сказала Ксана Димке и чиркнула носком башмака по траве.

Димка не ответил. Немножко помолчали, стоя друг против друга.

Уплывающая за тучи луна некоторое время проглядывалась еще, как холодное, грязноватое сияние, потом исчезла вовсе.

– Нравится тебе у нас? – спросила Ксана.

– Нравится! – ответил Димка. – Знаешь, у нас в Донбассе…

– А я нигде не была, – сказала Ксана.

– Но зато в лесу – тысячу раз! – оправдал ее Димка.

Ксана пригладила траву под ногой.

– Ты про лес никому не говори… – глядя в землю, предупредила она Димку. – Ну, про поляну… Ладно?

Димка только и успел осознать, что у них появилась теперь общая тайна. Как ни в чем не бывало вышел из акаций Валерка.

– Показалось, – объяснил он свою выходку. – Шаги вроде.

– Тут теперь всегда страшно ходить, – сказала Ксана.

– Да это все девчонки выдумали! – отмахнулся Валерка.

Ксана перебросила за плечо косу.

– Ну, я пойду…

Друзья сказали ей «до свиданья». Ксана кивнула обоим.

– Хорошая девчонка… правда? – спросил Валерка, когда они остались вдвоем.

А Димка поймал себя на корыстном желании единолично знать про Ксану, какая она, хорошая или плохая… К счастью, Валерка скорее утверждал, чем спрашивал, и можно было не отвечать ему.

– Тебе отсюда вдоль посадок – прямо на тропинку выйдешь, – объяснил тот. – А я обратно. – И протянул руку: – До завтра?

– До завтра! – Димка с готовностью пожал его маленькую девчоночью ладонь. Хотелось за что-то поблагодарить Валерку. А за что…

– Не опасно через посадки? – спросил Димка.

– Ну! Я же здешний! – бодро отозвался Валерка уже из кустов.

Поднимаясь в гору, Димка не спешил. Тревожно и сладко было чувствовать себя одним-единственным путником на земле. Словно бы идешь ты, а кругом – только ночь, глухая, бесконечная… И бездонное, черное небо над головой. Будто бы затерялся ты и неважно, куда идешь, в каком направлении…

А из парка доносилась музыка. Очищенная расстоянием, она звучала с какой-то особой – и грустной и беспокойной – радостью.

Сделав два или три шага в сторону от дорожки, Димка, обхватив колени руками, сел на траву. Далеко под ним, отражая невидимый свет, лежали пруды. Темным массивом угадывался парк, в глубине которого теплилась одинокая лампочка. Димка поглядел сначала в один конец села, потом в другой. Но отсюда, издалека, трудно было определить по светлячкам окон, где чье.

Оркестр играл фокстрот, названия которого Димка не знал. В Донбассе под него напевали «Много у нас диковин…». Текст был явно не к месту, но из-за нелепости своей как-то сразу запоминался… Не хотелось Димке уезжать из Донбасса: от обжитого двора с клумбами гвоздик и нарциссов, от террикона, от студеного родника, что в Черной балке за городом, от заброшенного шурфа посреди улицы… Вдруг он действительно не оказался бы в Шахтах?

Ксана тоже слышала звуки оркестра.

Придя домой, она, не чувствуя вкуса, прожевала кусочек хлеба, запила его молоком, потом сразу ушла в свою комнату, разделась и, шмыгнув под одеяло, сделала вид, что спит. К вечеру у матери всегда вместе с усталостью нарастало раздражение, и, не выговорившись днем, она теперь как бы наверстывала упущенное.

– Притихла? Жалко этого, да?.. И виновата, конечно, мать!.. Спишь?

Ксана не ответила, глядя в темноту.

А когда голос матери стих за дверью, она встала и чуть приоткрыла форточку, чтобы музыка стала слышней…

Отец, лежа в постели, просматривал газету. Мать у стола вязала Димке перчатки. Спицы так и мелькали в свете электрической лампочки.

Прежде чем переквалифицироваться в экскаваторщики, отец шестнадцать лет работал в забое, и от этого на лице у него синеватые крапинки, будто пороховые, на самом же деле – от кусочков угля.

– Натанцевался?

– Натанцевался, – с готовностью ответил Димка, придвигая к себе тарелку борща, накрытую до его прихода большой эмалированной миской.

Глаза у отца веселые. И сам он – Димка не помнит, чтобы хоть раз был не в духе.

– Один был или с девочкой?

– О господи боже мой! – Мать может говорить, а спицы продолжают мелькать сами по себе, точно заведенные. – Думаешь, сам был непутевый в молодости, так и дитё такое же?

– Зачем же я его породил, если он на меня не будет похожим? Ты, мать, ослепла за спицами, а я вот по глазам вижу, что он с девочкой сегодня танцевал.

– Окстись! И как я с таким языком связалась!.. – привычно посетовала мать, исподтишка взглядывая на Димку, как бы ища у него подтверждения своей, а не мужниной правоты. – Ребенок еще думать ни о чем не думает.

– Нет, конечно, что тут думать! – Отец усмехнулся и, поворачиваясь на бок, заметил: – Смотри только, чтоб не поколотили тебя за какую-нибудь.

– Вот басурман!.. – проворчала мать, снова энергично работая спицами.

* * *

Школьные занятия в эти первые сентябрьские дни не тяготили восьмиклассников. Готовить к ним было почти нечего, спрашивали мало, так что казалось, даже учителя не находят, чем заполнить отведенное для них время.

И добрую половину каждого урока весь класс вместе с учителем предавался воспоминаниям о каникулах: кто где был, кто чем занимался…

Удивила всех новая физичка Софья Терентьевна, та самая, о которой не слишком одобрительно отозвался вчера Валерка.

Софья Терентьевна прибыла в Ермолаевку из города. Красивая, уверенная в себе, она одним тем уже, как решительно входила в класс, как открывала журнал, как оглядывала ряды, вызывала по отношению к себе невольное благоговение. Особенно у мальчишек.

В белом, даже ослепительно белом костюме, с черными густыми и длинными, гладко зачесанными с одного боку волосами – очень красивой была Софья Терентьевна.

Взгляд у нее и то особый. Зеленые, широко открытые глаза Софьи Терентьевны глядели как бы внутрь тебя, до неловкого много усматривая при этом, даже больше, чем в тебе есть на самом деле.

– Ребята… – захлопнув журнал, проговорила Софья Терентьевна тем будничным голосом, который означал, что официальная часть урока закончилась, предстоит разговор на постороннюю тему. – Я у вас человек новый, – продолжала она тем же домашним голосом, – многого я еще не знаю. Но, может быть, потому и вижу многое… Вам по четырнадцать-пятнадцать лет, и, допустим, вы уже не дети. Но всего лишь подростки. Взрослыми вам быть еще рано! А я видела вас вчера в парке до часу ночи! На танцплощадке! – Глаза Софьи Терентьевны

сделались изумленными, беспомощными. – Среди пьяниц, матерщины. Особенно много было девочек. А как вы танцевали! Разве это называется танцем? Топчетесь на одном месте или, обнявшись, ходите через всю площадку из угла в угол. Простите, но это очень похоже на стадо в загоне.

Девчонки сникли, точно придавленные. Минуту или две в классе стояла непонятная тишина, потом исподволь от последних парт к первым стало нарастать гудение.

– Я считаю, что с наступлением темноты делать вам в парке нечего! Разве вы не можете найти себе другие занятия, подобающие вашему возрасту – прежде всего и людям культурным – вообще. А то мальчики шныряют по кустам, какие-то свисты в темноте, девочки топчутся, воображая, что танцуют…

– Надо для них школу танцев открыть! – встряхнув своим роскошным чубом, предложил Сережа Дремов.

Софья Терентьевна восприняла его реплику серьезно.

– Школу не школу, а учиться танцевать надо, конечно. Но не для того, чтобы танцевать с пьяными мужчинами в парке.

– А где же танцевать?

Реплики теперь посыпались одна за другой.

– Здесь! – ответила Софья Терентьевна. – В школе. Тем более, что все это не случайность: я заметила – даже в кино вы ходите не на дневной сеанс, а обязательно вечером. Есть в этом смысл?

– А мелюзга днем не дает слушать!

– Ну, знаете… – Софья Терентьевна разрумянилась и стала еще красивее. Именно поэтому упреки ее звучали вдвойне обидно. – Я думаю, нет смысла доказывать вам, что не из-за малышей вы игнорируете дневные сеансы!..

Надежда Филипповна вошла в класс во время перемены, когда урок физики уже закончился, но спор еще не утих. Софья Терентьевна быстренько закруглила разговор, извинилась перед Надеждой Филипповной, что задержала класс дольше положенного, и урок литературы начался, по существу, без перерыва.

Уроженке Холмогор Надежде Филипповне было уже сорок девять лет, и около двадцати из них она проработала в ермолаевской школе – с той самой поры, как овдовела. А до того Надежда Филипповна жила где-то в Сибири. Муж ее, археолог, умер от воспаления легких, не оставив после себя детей. Надежда Филипповна вернулась на свою забытую родину, к матери, которая за время ее отсутствия переселилась в Ермолаевку. Но мать вскоре тоже умерла, и с тех пор Надежда Филипповна жила в одиночестве. Не то чтобы у нее не появлялось возможности обзавестись новой семьей, но первые годы удерживала от этого шага очищенная временем память о муже, потом – война, а потом вдруг оказалось – все поздно и ни к чему. Минимум забот о домашнем очаге и одиночество наложили свой отпечаток на ее характер, образ жизни и даже внешность. Почти седая, с грустными, всегда чуточку озабоченными глазами, жила Надежда Филипповна затворницей, большую часть времени отдавая школе, тетрадям, а досуг – книгам, которые выписывала из области, из Москвы, из Ленинграда. Летние каникулы Надежда Филипповна проводила здесь же, в селе, никуда не выезжая, и от избытка свободного времени самостоятельно овладела двумя языками: французским и английским, о чем знал, может быть, лишь директор Антон Сергеевич…

Весной и летом Надежда Филипповна всегда молодела, сменяя свои старушечьи наряды на более легкие. А во время учебного года носила, как правило, темную юбку и теплый шерстяной жакет.

Разговор, что затеяла Софья Терентьевна и конец которого Надежда Филипповна услышала, войдя в класс, не на шутку обеспокоил ее. Она впервые подумала вдруг, что постарела, вросла в будни и перестала задумываться, даже замечать многое из того, что, возможно, обя-

зана бы заметить, над чем обязана задумываться. Так в обиходе перестают иногда замечать вещь, которая никому не нужна, но которая давно стала частью быта, естественной и вроде неотъемлемой. Надежда Филипповна вспомнила почему-то пепельницу, что стояла в ее доме на трехногом столике, рядом с вазой для цветов. Этой чугунной пепельницей в виде полусогнутой человеческой ладони никто никогда не пользовался, она не была даже памятью о муже, потому что муж не курил, и каким образом она попала в дом, Надежда Филипповна не знала, но, стирая ежеутренне пыль в комнатах, она тщательно протирала и эту громоздкую пепельницу, всегда мельком думая, что та занимает слишком много места. Однако ни разу и в голову не пришло хозяйке, что пепельницу давным-давно надо подарить какому-нибудь заядлому курильщику или попросту выкинуть.

Вот так же, сколько помнит Надежда Филипповна, из года в год ходили ее ученики в парк, на танцы, в кино, возвращаясь домой за полночь, и настолько обыденным воспринималось это, что не возникало мысли о существовании какой-то проблемы. А проблема, выходит, существовала… Или ее можно вот так вот взять и создать? Из ничего?

Именно с разговора о танцах начался урок Надежды Филипповны после того, как физичка вышла из класса, а разгоряченные спором ученики потребовали у нее разъяснения: можно им бывать в парке или нельзя, дети они или не дети, если многие ровесники их уже работают, некоторые поступили в техникум.

Она ответила уклончиво:

– Танцы можно устраивать в школе…

– А! – пренебрежительно воскликнула Ритка.

И в глазах других своих воспитанников Надежда Филипповна прочитала то же недвусмысленное «А!». Она знала, отчего это. Обстановка школы, сам вид классных дверей, парт настраивали на определенный лад, тогда как в парке – запах хвои, сумерки, близость пруда, оркестр… и обязательная взрослость отношений. «Но это же…» – она даже про себя не нашла точных слов, чтобы определить, что это значило. Однако все было именно так: дети становились взрослыми. И безрассудно стремились к этому…

А безрассудно ли?

– Если бы на танцплощадке вы собирались одни, сверстники, – другое дело, – сказала Надежда Филипповна. – Но ведь там действительно взрослые. И бывают пьянки, бывают драки…

«Ах, – подумала она, – все это ерунда! Я обманываю их и себя. Как раз то, что взрослые рядом, как раз видимость равенства…»

И, воспользовавшись тем, что ученики ее заспорили между собой, Надежда Филипповна ухватилась за спасительную соломинку:

– Давайте поговорим об этом в другой раз, а сейчас все-таки перейдем к уроку.

Класс довольно быстро успокоился. А Надежда Филипповна подумала о том, как легко обмануть их видимостью своей мудрости, не сказав по существу ничего, лишь сделав умное лицо и произнеся фразу тоном наставника… А может, и нельзя обмануть?

* * *

Димка нервничал на уроках. Вчера он без всяких колебаний уверовал, что, поскольку между ним и Ксаной появилась общая тайна, они теперь связаны ею. И с нетерпением ждал сегодняшних занятий.

Он слушал объяснения учителей, разговаривал с Валеркой, но внимание его так или иначе все время было сосредоточено на Ксане: обернется она или не обернется…

Но Ксана вошла в класс перед самым звонком, села за парту и в течение целого урока ни разу не шелохнулась. Когда надо было что-нибудь записать, она только слегка наклоняла голову.

Затеянный учителями разговор был, скорее всего, безразличен ей, как и существование Димки: есть он или нет его…

Это наконец разозлило Димку. И начиная с третьего урока он почти не обращал внимания ни на новую голубую кофточку Ксаны, ни на белый шелковый воротничок под темной косой…

А после большой перемены обнаружил в своей парте нацарапанное кривыми печатными буквами послание:

«Вы мне нравитесь. Записку никому не давайте читать, порвите».

Димка сунул записку в карман и слегка покраснел, взглядывая на передние парты.

Потом спохватился, что его могли разыграть этой анонимкой, выложил письмо на стол. «Кто?» – нацарапал он прямо на парте.

Валерка оглядел класс и пожал плечами.

Судя по записке, что получил Димка, в восьмом классе к концу занятий успешно забыли о разговоре, который состоялся утром. Но в канцелярии, как по неизвестным причинам называли здесь учительскую, утренний спор имел продолжение.

Первой неосторожно затронула его Надежда Филипповна. Однако Софья Терентьевна будто ждала этого. Кроме них, в канцелярии находились еще трое: директор Антон Сергеевич, молоденькая географичка Валя, прошлогодняя выпускница Харьковского пединститута, и математик Павел Петрович, чьи мысли, казалось, от рождения витали в области абстрактных математических связей, и все земное интересовало его лишь тогда, когда затрагивало его буквально, как пенек на дороге, о который можно споткнуться.

– Вы начали сегодня любопытный разговор, Софья Терентьевна, – отыскивая в шкафу сборник упражнений по синтаксису и орфографии, будто между прочим, заметила Надежда Филипповна; в душе она полагала, что до того, как начать этот разговор, имело смысл посоветоваться хотя бы с ней, классным руководителем, и потому не сдержалась.

– Не столько любопытный, Надежда Филипповна, сколько необходимый, – ответила Софья Терентьевна, выпрямляясь на табурете и движением головы откидывая тяжелые волосы.

Канцелярия была довольно просторной: шесть столов, четыре застекленных шкафа с книгами, железный сейф для неизвестных целей, мягкое кресло в углу, занятое, по обыкновению, Павлом Петровичем, то ли думающим, то ли дремлющим…

– Не знаю, право… – Надежда Филипповна взглянула на Софью Терентьевну. – Парк – это наш центр, и спросите у стариков: вся жизнь у них связана с этим парком, тем более – молодость…

– О чем это вы, барышни? – поинтересовался директор Антон Сергеевич, переводя взгляд с одной на другую.

Антону Сергеевичу было уже под шестьдесят, и в школе он работал еще до того, как появилась в Ермолаевке Надежда Филипповна.

Надо сказать, что ермолаевская десятилетка славилась опытными учителями на весь район, если не на всю область, и выпускники ее не уступали в знаниях горожанам.

Софью Терентьевну передернуло фамильярное «барышни», но виду она не подала.

– Я говорила с учениками о танцах, – разъяснила Софья Терентьевна. – Они толкутся в парке чуть ли не до зари, мальчишки, девчонки.

– Вот как… – неопределенно заметил Антон Сергеевич.

Павел Петрович дремал. Географичка Валя с любопытством прислушивалась.

– Я ничего не имею против вашей инициативы, – сухо проговорила Надежда Филипповна. И тут же добавила менее официально: – Я думаю только, что вам, как человеку новому у нас, нужно бы сначала приглядеться к жизни людей, к традициям…

– Традиции можно ломать, Надежда Филипповна. – Софья Терентьевна улыбнулась, придавая своим словам характер вовсе уж дружеской беседы. – А с детьми я работаю почти пятнадцать лет.

– Я в общей сложности больше тридцати… – сказала Надежда Филипповна и, отвернувшись к шкафу, вздохнула.

Губы Софьи Терентьевны на какое-то мгновение сомкнулись в тонкую, упрямую складку, и в молчании, которое сопутствовало этому непроизвольному движению, Надежда Филипповна угадала ответ: «Можно проработать сто лет и заплесневеть, ничего не делая, а можно в один год перевернуть землю, если ты молод, если кончил не ликбез, а соответствующий институт, если полон благородных стремлений, если достает энергии…» Но Софья Терентьевна подавила в себе желание ответить колкостью. Сказала:

– Надеюсь, никто не будет защищать такую, например, традицию, какую я наблюдала вчера: мальчишки (из нашей же школы, наверно?), которые играют на этих своих трубах, курят в перерывах! Курят, прямо не скрываясь ни от кого!

«Курят… – уныло подумала Надежда Филипповна. – Дома не решаются, в школе не решаются, а там, сопляки, дымят!»

– Ладно, ладно, – опять вмешался Антон Сергеевич. – Давайте не будем разводить дискуссии сейчас. Вопрос это серьезный, как-нибудь соберемся и поговорим.

Ох, до чего же не любил Антон Сергеевич, когда учителя ссорились, даже если ссоры сопровождались дружественными улыбками!

Софья Терентьевна захлопнула журнал, который просматривала до этого. Захлопнула не то чтобы резко, но довольно решительно, как бы подчеркивая этим, что надо не говорить, а действовать.

Хорошенькая географичка Валя с трудом подавила вздох. Вот уже целый год она старательно пыталась выполнить указание своих институтских наставников, то есть «полностью врасти в жизнь школы», но это ей до сих пор никак не удавалось. Пожалуйста: люди затронули очень важную тему, а у нее нет никакого собственного мнения, чтобы высказать его.

Павел Петрович приподнял веки и медленно оглядел всех: Антона Сергеевича, Софью Терентьевну, Надежду Филипповну. Вечно он так: сидит, вроде его нет, а сам слушает, делает какие-то выводы… и чаще всего оставляет их при себе.

Вопрос о юных любителях танцев остался до неопределенного времени открытым.

* * *

Сразу после уроков Димка взял велосипед и кружным путем, чтобы не заезжать в Ермолаевку, – через Холмогоры, мимо колхозных выгонов – уехал в лес.

Он хорошо запомнил, где надо поворачивать направо, где налево по едва заметной тропинке между деревьями, и вышел на поляну.

Все так же млели под солнцем прозрачные ковыли. То зелеными, то розовыми искрами вспыхивал камень, небрежно отшлифованный родником, наверное, еще до происхождения человека. Как и вчера, блекло в опаленном куполе неба знойное солнце. И, как накануне, цепенел в искристых оковах паутины лес… Но все на этот раз было не как тогда, а по-другому.

Велосипед свой Димка положил в траву и некоторое время сидел на камне, потом лег, заложив руки за голову. Деревья вокруг стали от этого еще выше, и показалось Димке, что земля да и сам он – где-то, крохотные, далеко внизу, а голубизна – это не воздух, это какая-то

неведомая плотность, густая, текучая; и недосягаемые для него вершины деревьев купаются в этой голубизне.

Потом Димка опять сел. Прошло уже, наверное, больше часу, и в спадающем зное лес начал мало-помалу оживать: то прошуршит листвой от неприметного ветерка, то словно вздохнет весь и огласится вороньим криком… А потом где-то запел жаворонок.

Димка отщипнул от ковыля из-под ног один в пушистых ворсинках стебелек и без интереса еще раз убедился, что абсолютно ничего примечательного в ковыле этом нет… Достал из кармана записку и разорвал ее. Клочки бумаги рассыпались по траве, как новогодний «снежок». В безветрии они могли пролежать здесь до следующего оледенения. Пришлось Димке собрать кусочки послания и каблуком тщательно вдавить их в землю.

Когда следы его визита на поляну были уничтожены, Димка поднял велосипед и решительно зашагал прочь от камня. Но у опушки еще раз остановился… Пыльная дорога вниз – до самых домиков, до белого журавля у колодца и дальше – была пустынна.

Валерка, сидя на крыльце, ел окрошку. Хлеб на газете, рядом с ним, клевали цыплята. Димка вспомнил, что ему некогда было пообедать после школы, и от предложенного Валеркой угощения не отказался.

Квас в окрошке был, что называется, «вырви глаз» – настоящий, без привкуса сладости.

– На дамбу ездил? – спросил Валерка.

– Так, прокатился… – И Димка показал рукой от Шахт: через Холмогоры, лес, домики за парком.

В недоеденную Валеркой окрошку свалился цыпленок, закричал. Валерка выбросил его на крыльцо, легонько поддев ладонью. Неразумный утопленник отряхнулся и снова полез к тарелке.

Настроение у Димки было никудышное. И хоть он твердил про себя, что ему все безразлично, жизнь впервые не вызывала радости…

– Что, теперь, значит, в парк запретят ходить? – сказал Димка.

– Почему?

– Ну, что физичка говорила…

– А куда же еще ходить? – вопросом на вопрос ответил Валерка.

Чем занять себя на оставшееся до вечера время, оба не знали и приумолкли, думая каждый о своем.

* * *

Солнце уже окрасило окна в розовый цвет, и село наполнилось вечерними звуками, когда в район домиков заглянул Валерка. Ксана увидела его из окна и вышла на улицу. Минут десять посидели рядом на завалинке.

Мать в сарае доила корову. А холмогоровское стадо еще только поднималось по склону Долгой горы от речки. В вечернем воздухе слышно было нетерпеливое мычание отяжелевших за день коров, крики пастуха деда Василия: «Ган-ну!.. Куда пошла?!», короткое, как выстрел, щёлканье бича. А из дворов уже выходили хозяйки с подойниками и призывно, ласково торопили: «Я-агодка!.. Я-агодка!..», «Буре-он!.. Буре-он!..». И вдруг: «Манька, тварь, опять я за тобой гоняться буду?!»

– Не приходил дядя Митя? – спросил Валерка.

Ксана покачала головой:

– Нет…

– А у меня Димка был, в лес ездил…

Она не ответила.

– Ты со вчера какая-то… ну… Из-за дяди Мити? – спросил Валерка.

– Не знаю… – сказала Ксана. – А ты что, грустным не бываешь?

– Бываю, – сказал Валерка.

– Ну вот… Все бывают.

– Принести тебе что-нибудь почитать новое?

– Я сама зайду.

– У Федьки щербатого овчарка ощенилась, обещал мне одного. Хочешь, тебе овчаренка притащу?

– Ой!.. Если мама разрешит, ладно?

– Я завтра к нему сбегаю! – обрадовался Валерка. – Чего она не разрешит?

– Разрешит, конечно… – не очень уверенно сказала Ксана. Окна в доме напротив стали совсем алыми, и в глазах ее мерцали алые искры.

Услышав, что тетя Сана закрывает сарай, Валерка распрощался.

Ксана ушла в дом, занялась гербарием, который у нее состоял уже из двадцати шести альбомов. Однажды она попробовала сушить бабочек, но убила одну и сама потом себя ненавидела. Растения – это совсем другое, они не такие одушевленные, как бабочки, и в гербарии словно бы продолжают жить, тогда как на улице умирают.

– Дома? – спросила из кухни мать.

– Дома… – отозвалась Ксана, укладывая альбомы и глядя, как тень заката медленно ползет в гору: она уже почти у леса, потом коротко скользнет по деревьям, и сразу около домиков загустеют сумерки.

Комнатка у Ксаны маленькая, но обжитая, знакомая до последней трещинки в стене, и Ксана любила ее. Все здесь было давнишним: и железная кровать под голубым покрывалом, и клеенчатый коврик, на котором охотник стреляет в сову, что испугала красивую женщину с распущенными волосами, и этажерка, и небольшой деревянный сундук в углу со старинным певучим замком… Только столик был новым. Раньше стоял обыкновенный, вроде как в кухне, а дядя Митя сколотил настоящий, письменный, с тумбочкой. И хорошо было все заново пересматривать, перекладывать, наводя порядок в четырех выдвижных ящичках: открытки – к открыткам, цветные картинки из прошлогоднего журнала «Огонек» – отдельно, а тряпичную куклу с одним выцветшим глазом – поближе. Это талисман. Когда-то Ксана играла ею, но уже не помнит когда.

– Уроки сделала? – спросила мать из горницы.

– Нам на завтра ничего не надо, – ответила Ксана и, помедлив немножко, вышла в горницу. – Ма… – Подергала себя за кончик косы. – Ма, если мне щеночка принесут, овчарочку, можно?

– Это еще к чему?

– Так…

– А ухаживать кто будет? Ты? Знаю я, как вы ухаживаете. Мне ж на шею и сунешь еще одно добро! Без щеночков хватает…

Мать говорила еще что-то, но Ксана уже не слышала ее, потому что тихонько вышла и опять села на завалинку.

Стемнело. Один за другим пробились в небе огоньки звезд. И наметился Млечный Путь.

– Что домой не идешь? – спросила через окно мать.

– Посижу… – ответила Ксана, не оборачиваясь.

Подходила ненадолго Ритка. Где-то она видела Димку на велосипеде, похвалилась, что сунула ему в парту записку. Зря только подписи не поставила… Ритка ушла, а Ксана сидела и сидела в темноте на завалинке, хотя звездное небо уже переливалось из края в край и где-то за парком медленно всходила луна.

Как-то сразу и потому неожиданно от Холмогор взлетела в темноту песня. Может, кто клубный динамик вынес на улицу, а может, Анюта Колчина затянула – голос у нее на всю область:

Липа вековая за рекой шумит,
Песня удалая далеко летит..

Ксана вспомнила, что напрасно Валерка будет доставать щеночка, и ей захотелось плакать.

Опершись головой о бревенчатый сруб, чтобы сдержать слезы, подняла лицо к небу.

От парка ночная свежесть доносила запах сосновой хвои. Протяжная песня зарождалась и существовала теперь как бы сама по себе: над Шахтами, Ермолаевкой, Холмогорами, над лесом…

Но все миновало, и я под венцом,
Молодца сковали золотым кольцом

Ксана слушала и глядела вверх, в сверкающую черную глубину.

То было время, когда еще не бороздили космос творения рук человеческих и каждый мелькнувший огонек в небе был всего лишь падающей звездой.

Такое недавнее и такое далекое время.

Глава вторая

На занятиях Ксана опять сидела не двигаясь, ни на кого не обращая внимания, и Димка решил забыть, что она есть в классе. Он до того рассердился, что на время это удалось ему.

Перед уроком математики не выдержал и по-своему отомстил Димке Сережка Дремов. Чубатый, с быстрыми, немножко сумасшедшими глазами, Сережка Дремов был в классе давно признанным атаманом, и то, что Димка сел за парту Валерки, не давало ему покоя.

Говорят, что стада без паршивой овцы не бывает. В восьмом классе такой овцой определенно считался Колька Зубарев – длинный, как костыль, чуть ли не на голову переросший своих одноклассников лодырь. Костылем его так и звали. В длину Колька вытянулся, а в ширину не раздался и был до того бледнокожий, что никакой загар не приставал к нему. На белом лице выделялся лишь красный нос, которому Колька не давал покоя – без конца сморкался («шмурыгал»), хотя насморка у него явно не было. Начиная с третьего класса он упрямо растягивал свой каждый учебный год на два. И свидетельство об окончании семилетки выдали ему с единственной надеждой, что Колька оставит школу. Каково же было раскаяние Надежды Филипповны, когда она увидела, что Зубарев явился продолжать свое образование дальше!.. К этому недотепе и подошел на перемене Серега Дремов:

– А ну, Костыль, шмурыгни!

И Зубарев, хлопнув глазами, шмурыгнул. Это получилось у него автоматически, достаточно было напомнить ему об этой привычке.

– Еще раз, – потребовал Сережка.

Колька шмурыгнул носом еще раз.

– Так, – сказал Сережка, – сойдет. Хочешь со мной сидеть?

Колькино лицо впервые в жизни порозовело от напряжения.

– Собирай свои монатки, – велел Серега, – и пересаживайся. Только чтобы с этим делом у меня… – Серега пошмурыгал носом. – Тренируйся. Понял? Давай.

Это Серега здорово придумал: отдать одно из лучших мест самому никудышному человеку. Все ждали, что он как-то еще повернет события. Но, в то время как Зубарев пересаживался на новое место, Серега, очень довольный собой, уже стоял возле Ритки и Ксаны.

– Топчемся, значит, на одном месте?.. Ходим из угла в угол?

– Иди ты! – сказала Ритка, замахиваясь на него книгой.

А на уроке алгебры выяснилось, что, болтая с девчонками, Серега подсыпал в их чернильницу извести.

Преподаватель математики Павел Петрович, добродушный, невозмутимый, был во время войны офицером-артиллеристом. Но после ранения в голову демобилизовался и, начиная с сорок третьего года, жил в Ермолаевке, преподавал. Он перенес трепанацию черепа, и теперь в лобовой кости его было круглое отверстие, как это казалось со стороны, потому что кожа в месте ранения то расправлялась, то западала вовнутрь, словно от дыхания. Математику Павел Петрович знал, как положено знать артиллеристу, и, наверное, любил ее, но об этом можно было только догадываться, так как Павел Петрович был скуп на рассуждения и обладал некоторыми странностями, которые людей посторонних, случайных нередко ставили в тупик… Он жил и двигался как бы в полусне. На уроках, дав задание классу, Павел Петрович усаживался на стуле и, подперев голову кулаком, закрывал глаза. Спал он при этом или думал о чем-то, неизвестно. Хотя если он спал, то довольно чутко. Но вытянуть из него лишнее слово было просто невозможно. Не изменил себе математик и на этот раз. Велев решить несколько примеров, он уселся поудобнее за столом и словно отрешился ото всего.

Проделка с известью имела ту выгоду, что Ритке и Ксане пришлось теперь оборачиваться, макая перья в чужую чернильницу.

– Почему вы вертитесь? – спросил, не открывая глаз, Павел Петрович.

– А у нас чернила не пишут, – сказала Ритка.

Выяснять причину такого заурядного явления, как непишущие чернила, Павел Петрович в жизни не станет. Шевельнув губами, подумал, сказал: «Ну-ну…» И лишь минуту спустя, глянув из-под приспущенных век, добавил:

– Скоро будем корни изучать. Набивайте руку на пройденном.

И класс набивал руку: кто энергично, кто не очень. Ксана оборачивалась, чтобы макнуть перо, но за все время лишь раз медленно покосилась на парту, что была через одну от нее. А на кого из друзей покосилась, на Валерку или на Димку, определить было трудно.

…После уроков Димка, не дойдя до дому, пристроился было играть в городки с шахтинскими малолетками. В злости, чтобы отвлечься, яростно швырял биту за битой, но выдержал всего две партии: схватил сумку и, ничего не объясняя городошникам, торопливо зашагал к дому. Вывел на дорогу велосипед.

Лес встретил его настороженной тишиной. Пробираясь между деревьями, Димка ободрал руку о куст шиповника, потому что спешил, уже раскаиваясь в глупой затее с городками, потому что боялся опоздать. А на краю поляны остановился, передохнул. И вдруг показалось все невероятно глупым: то, как бежал он из дому, как ехал сюда…

Поляна была пуста. Ни следов на траве, ни цветка, оставленного на камне… Впрочем, теперь это было для Димки уже все равно. Он утер подолом рубахи лицо и шею. До чего же пыльный, оказывается, этот высушенный солнцем лес! Тягучую паутину с бровей и ресниц не отодрать, будто на клею она. В воскресенье Димка ни паутины, ни пыли вроде бы не заметил…

Но и все вокруг на этот раз было не таким, как в воскресенье. И хуже, чем вчера. Он обнаружил это, сидя на камне, уже успокоенный, мрачный.

До звона тихо, пустынно и скучно было в лесу под желтым тягучим солнцем.

Чтобы разогнать это впечатление, Димка встал, решительно поднял велосипед и, собираясь двинуться в обратный путь, яростно протер от пыли втулку, раму, багажник… По нелепой случайности застрял он на этой самой обыкновенной поляне! Ведь лес тянулся бесконечно далеко и жил пока что скрытой для него жизнью!

А потому надо начать все сначала: взять с собой рюкзак, хлеб, соли и выехать из дому на рассвете. Чтобы где гнезда, где норы, где муравьиные стежки – все высмотреть!..

Ксану он увидел возле акаций, неподалеку от жердяного забора, там, где тропинка сворачивала в сторону парка. Машинально нажал на тормоза и вынужден был соскочить на землю.

Через лужайку подвел велосипед ближе к акациям.

– В лесу был? – спросила Ксана, теребя кончик косы, туго перетянутый неширокой голубой лентой.

– В лесу, – признался Димка, понимая, что она могла видеть его от самой опушки.

– А я в Шахты к вам ходила, в магазин… – сказала Ксана. – Мама за гречкой посылала.

Будто гора упала с Димкиных плеч. И до того хорошо стало на душе у Димки, что он сразу позабыл все свои планы, которые с таким воодушевлением прикидывал всего пятнадцать минут назад.

– Я и вчера в лесу был, – сказал Димка. – И там был, на поляне.

Ксана, отбросив за спину косу, неожиданно засмеялась. Позже Димка заметит, что это у нее всегда получалось неожиданно. И всегда при этом хотелось улыбаться ей в ответ, даже если сам же и брякнешь что-нибудь глупое. Смеялась она хорошо: негромко, но весело, чуть приоткрыв губы и немножко щурясь.

– Не унесли камень?

– Нет! Лежит, – сказал Димка.

– А что ж ты ничего не захватил с собой: ни ковыля, ни веток?

– Уронил! – с готовностью соврал Димка, показывая на дорогу в сторону безымянной горы.

– А меня вчера мама не отпустила в лес… – сказала Ксана, уже не смеясь.

Тетка Полина рассказала Ксаниной матери, будто двоих из Холмогор порезали в воскресенье. Мать всполошилась и заявила накануне, что больше Ксану из дому не выпустит…

Как и большинство пожилого населения в Ермолаевке, Холмогорах, мать люто ненавидела шахтинский поселок, а заодно и все строительство на горе Долгой: привычный уклад жизни должен был рухнуть вскорости, а будущее представлялось туманным…

Впрочем, у Ксаниной матери были на это еще и свои причины, о которых мало кто знал.

– Бандиты – не люди понаехали! Теперь от дома шагу ступить нельзя, – заявила мать, – поймают вот… Особо девушке!

Почему девушке «особо», мать не уточняла. Но именно благодаря ей Ксана чуть ли не с первого класса знала, что при этом имеется в виду.

– Значит, ты больше никогда туда не пойдешь?.. – спросил Димка.

Ксана, оправляя на себе голубую кофточку, глянула в сторону безымянной горы, потом в сторону Шахт и покосилась на Димку.

– Я завтра опять к вам иду после уроков… Я сегодня ничего не купила… – Она вдруг потупилась, так как на тропинке от домиков с ведром в руках появилась ее мать, о чем без труда догадался Димка – до того они были похожи.

А когда, оглядев их, та прошла мимо, Ксана подтвердила:

– Мама… – И сразу как бы замкнулась.

Сана ходила за мягкой водой к родничку в посадках. Колодезная была жесткой, и длинные волосы не промывались.

– Здравствуйте, – с опозданием поприветствовал ее Димка, когда тетка Сана шла в обратном направлении.

Она кивнула в ответ, ничего не сказала.

– Ну, мне пора домой… – неуверенно проговорила Ксана, подождав, когда мать скроется за поворотом. – Я еще уроки не делала, – добавила она для большей убедительности.

– А что там делать? – удивился Димка.

– Ну, посмотреть надо… – И, тряхнув косой, неожиданно подала Димке руку: – До свиданья.

Димка впервые пожимал руку девчонке и ответил невразумительно.

– Пойду… – высвободив ладошку, еще раз повторила Ксана и, не оглядываясь, ушла.

* * *

Димку больше не тревожило то, что во время занятий Ксана не обращает на него внимания. Для нее и остальные-то словно бы не существовали в классе. Право это, видимо, давно было признано за ней, и если, к примеру, возле других девчонок то и дело затевалась какая-нибудь свалка – борьба или игра в пятнашки, – Ксану старались не трогать. Уж слишком серьезно воспринимала она все.

После большой перемены Димка опять нашел в своей парте записку: «Если вы ни с кем не дружите, приходите в воскресенье в парк». А внизу был нарисован хитрый, со многими завитушками вензель. Поворачивая бумажку то так, то эдак, Валерка угадал в переплетении закорючек Риткины инициалы.

И хотя Димкин интерес к записке почти угас, было все же чуточку приятно иметь это новое послание.

– Выкину потом, – зачем-то объяснил он Валерке, пряча записку в карман.

Валерка смутился, так как очень уж внимательно следил за Димкой в эту минуту.

– Да я ничего, – сказал он, будто оправдываясь.

И Димка тоже немного смутился.

С трудом дождавшись конца занятий, он проводил Валерку до Маслозаводского пруда, распрощался и быстрым шагом, чтобы наверстать время, пересек Ермолаевку в обратном направлении – к Долгой.

Ксана шла не по дороге, а по одной из тропинок, что, петляя и пересекаясь во всех направлениях, исчертили Долгую по какой-то необъяснимой прихоти людей, в основе которой был вовсе не закон кратчайшего расстояния между двумя точками.

Слегка покачивая портфелем в руке, Ксана шла медленно, и Димка легко догнал ее.

Трава, иссохшая на склоне Долгой, мягко проминалась под ногами, шурша и похрустывая.

– А во что ты будешь крупу брать? – спросил Димка.

– У меня есть. В портфеле…

Почти неразличимые снизу – просто две безымянные фигурки на склоне горы, – они шли как бы на виду у всего села, и потому некоторое время разговор не вязался. Потом Димка сказал:

– Хочешь, я тебе детекторный приемник сделаю? И передатчик!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.